

О.В. Марченко

К вопросу о метафизике социокультурного бытия в русской мысли XVIII–XX вв.*

Хотелось бы поделиться с благожелательным читателем некоторыми наблюдениями и заметками на темы, над которыми я размышлял несколько лет назад в Брно, где читал курс лекций в местном университете и в тот же период, на протяжении нескольких дней, участвовал в работе научной конференции. Лекции были посвящены вопросу о формах самосознания и самоописания отечественной философии. Что же касается конференции, то она была связана с юбилеем Н.В.Гоголя, я говорил о творчестве великого писателя и идеях его земляков, Г.С.Сковороды и Д.И.Чижевского. Так в центре рассуждений оказались некоторые проблемы изучения философского и литературного наследия, связанные с метафизикой социокультурного бытия.

Для начала я обратил бы внимание на ряд публикаций последних лет, в которых наблюдается любопытная, как мне кажется, черта. Вот, к примеру, израильский литературовед, прочитав в какой-то книжке о том, что религия – это «встреча со священным как с Другим», решительно отказывает Гоголю в подлинной религиозности¹. Гоголь «не находит правильного для себя способа анализировать реальность», – заявляет его российский коллега. – Писатель не в силах «через опосредование потусторонности» осуществить «повторение гуманистической логики пути Иисуса»². Похоже, имеет место некоторая неблагоприятная, на мой взгляд, тенденция в гуманитар-

* Работа написана при поддержке РФНФ, проект № 13-03-00552а.

ном знании начала третьего тысячелетия. Постоянно апеллируя к Фрейду, французский исследователь, подготовивший замечательное собрание сочинений Бориса Поплавского, отчитывает его как мальчишку, находя у писателя «ошибочное толкование учения Христа»³. Другой автор, на этот раз из Москвы, утверждает, что Симона Вейль «путала типологическое сходство с генетическим, не была знакома с понятием *архетип* и в феноменологии религии проявила меньше осведомленности, чем Берлиоз, рассказывающий Иванушке о том, как ацтеки лепили из теста фигурку Вицли-Пуцли»; «она отказывала еврейской Библии в праве называться словом Божиим», «она отрицала священный характер человеческой истории»... «Все это вместе позволяет с известными основаниями обвинить Симону Вейль в гностической ереси маркионизма»⁴.

Я привожу эти строгие оценки и душеполезные назидания еще и затем, чтобы следующее простое утверждение звучало чуть более эвристично. При несомненном новаторстве, смелости и изощренности его научных методов, выдающийся украинский славист Дмитрий Иванович Чижевский (1894–1977) оставался в целом сторонником достаточно традиционного подхода к изучению культурного наследия. Исследование это вовсе не «экспертная оценка», суть которой сравнение идей автора с произвольно понятым тем или иным – ортодоксально-христианским, марксистско-ленинским, либерально-демократическим и т. д. – «катехизисом». Чижевский подходил к исследуемому предмету с доверительной чуткостью, со смыслообразующей презумпцией того, что художник и мыслитель открывает некую грань бытия, не данную нам в режиме нашего обыденного существования. Автор расширяет наш спектр восприятия реальности, меняет сам регистр звучания бытия, образует и воспитывает сложность наших когнитивных и эстетических реакций. В широком смысле слова, вполне платоническая установка, если уж говорить о традициях. Взору не только пристальному, но прежде всего любящему открывается истина. Внимательное медленное чтение, бережное выявление впервые обретаемого конкретного смысла. Именно так подходил Чижевский и к изучению творчества Гоголя и Сковороды.

В научном проекте Чижевского гоголевское наследие занимает особое место, Гоголь был, как известно, его любимым писателем. Все знают удивительную статью «О “Шинели” Гоголя», вышед-

шую в парижских «Современных Записках» (LXVII, 1938), статьи Чижевского о Гоголе выходили и позднее (к примеру, «Неизвестный Гоголь», «Две родословных Гоголя» в нью-йоркском «Новом журнале» № 27, 1951 и № 78, 1965, и др.): долгие годы Чижевский работал над книгой о Гоголе. Не менее, однако, известен и огромный интерес Чижевского к фигуре знаменитого украинского поэта, философа и педагога Григория Саввича Сковороды (1722–1794). Различным аспектам жизни и творчества этого автора Чижевский посвятил на нескольких языках более пятидесяти работ, из которых наиболее значительными являются книги «Філософія Г.С.Сковороди» (Варшава, 1934) и «Skovoroda: Dichter, Denker, Mystiker» (München, 1974). Мне кажется правильным показать важность учения Сковороды для интерпретации Чижевским некоторых философских – в первую очередь социокультурных – и историко-философских проблем, и прежде всего связанных с наследием Гоголя.

Попробую свести воедино несколько моментов, несколько тем в работах Чижевского, будучи уверен, что в творческом мышлении украинского интеллектуала они находились в концептуальном единстве⁵. Первые две темы названы – это усилия по прояснению идеологии Гоголя и исследование творчества Сковороды. Следующая важная тема – тема «двойничества», которая Чижевским решается в онтологическом ключе и связана с философской критикой этического формализма, развиваемой в ряде работ, – фрагментах так и не написанной книги «О формализме в этике»⁶. (Оставляю сейчас в стороне сложный вопрос о соотношении идей Чижевского, высказанных в этих работах, с идеями М.Шелера, С.Кьеркегора, Л.Фейербаха, М.Штирнера, Ф.Ницше и др.).

Ученик и друг Чижевского, проф. Дитрих Герхардт в немецкоязычных воспоминаниях своих сообщает следующее. «Мой первый семинар у него <...> был посвящен Гоголю и “*Вечерам на хуторе близ Диканьки*”. <...> Мы слышали об однокашниках Гоголя, например, о странном Платоне Лукашевиче и его “Микроскопической астрономии”, о Вертепе и устойчивой последовательности его образов, а также о проступающей из-за всяческих цветных стилистических кулис гоголевской философии божественного плана положений <...> (Philosophie eines göttlichen Stellenplanes. – *О.М.*)»⁷. Я воспользовался здесь переводом В.В.Янцена, публикатора этого

материала, но специально отмечу, что вот это **Philosophie eines göttlichen Stellenplanes** довольно сложно передать по-русски правильно. Более точно было бы сказать «гоголевская философия Божьего Замысла», но с неперменным учетом того, что Stelle – это место, stellen – устанавливать, определять, назначать, а Plan – замысел, намерение; в целом же Stellenplan – штат, как административно-территориальная единица, и штат как личный состав, штатное расписание. Т. е. здесь Замысел Божий – это замысел Божественных предназначений, Божественного общества, мира Божьего. Вообще говоря – это София, «внутреннее человечество», замысел Божий о людях, в котором каждому дано «свое место».

В декабре 2008 г. на конференции «**Kultura i oświata w europejskim międzywojnu (1918–1939)**» (**Siedlce**) Алена Быстрова в докладе об исследовании Чижевским творчества Ф.М. Достоевского высказала мысль, согласно которой феномен «двойничества» коренится в способности человека быть другим. Учитывая своеобразие этого мнения, скажу, однако, что Чижевский предлагал несколько иное объяснение этого феномена. Приведу несколько необходимых выдержек из текста Чижевского.

«*Реальность* человеческой личности не обуславливается простым ее “*существованием*”, в эмпирическом плане бытия, но требует каких-то иных (вне-эмпирических) условий и предпосылок. <...> ...В душе Ставрогина нет “*устремленности*”, у него нет никакого душевного “*меридиана*” и для него нет того “*магнитного полюса*”, к которому влечется, по мнению Достоевского, всякая *живая* душа, – *нет Бога*. Живое, конкретное бытие человека, всякое его “*место*” в мире возможно лишь через живую связь человека с божественным бытием. <...> Появление двойника ставит перед человеком вопрос о конкретности его реального существования. Оказывается, что просто “*существовать*”, “*быть*” еще не есть достаточное условие бытия человека, как этического индивидуума. – Проблема “*устойчивости*”, онтологической прочности “*этического бытия*” индивидуума – и есть <...> проблема отличия человеческого существования от всякого иного бывания, определение которого просто и общо, “*абстрактно*” и пусто, сводится к простой спецификации в пространстве и времени. <...> Этическое действие человека имеет три стороны. Действует всегда *кто-то*, *где-то* и *как-то*. Первые два элемента насквозь конкретны и индивидуальны. Третий, однако, может быть

схвачен абстрактно, логическими формами. ... В истории моральной философии мы подмечаем тенденцию или вовсе игнорировать оба первых элемента этического действования или же схематизировать их по типу абстрактной мысли. <...> Между тем этические субъекты по существу своему несравнимы, вернее, не должны быть сравниваемы, – ибо каждый из них имеет свою *индивидуальную* скалу степеней этического достоинства, несоизмеримую с другими скалами иных субъектов. <...> Этическая функция появления двойника, пожалуй, сходна с этической функцией смерти, – утрата *бытия* субъектом <...> с последней решительностью ставит перед субъектом проблему – или обретение устойчивости и новой жизни в Абсолютном бытии или уход в Ничто»⁸.

Как видим, по мысли Чижевского, феномен «двойничества» связан прежде всего с утратой того самого «своего места», т. е. укорененности индивидуума в трансцендентном, потерей живой связи с божественным бытием⁹. Философию «своего места» Чижевский находил в том числе и в идейно-художественном наследии Гоголя. Нетрудно заметить, что именно в этом ключе прочитывается Чижевским гоголевская «Шинель»: главная ее тема – потеря себя, утрата себя (как и в других «Петербургских повестях»). В переписке Гоголя времени работы над повестью, отмечает Чижевский, писатель постоянно возвращается к этой теме. «Гоголь резко противопоставляет внешнюю и внутреннюю жизнь. Надо иметь “неподвижный якорь”, так как все вещи в мире обречены гибели, человек должен иметь внутри “центр, на который, опершись, мог бы он пересилить и самые страдания в горе жизни”. <...> “Центр”, о котором здесь говорит Гоголь – это “*Centrum securitatis*” христианской мистики – Бог¹⁰. В нем – уверенность и прочность. Он же указывает человеку и “свое место” (которое есть у каждого человека) в мире; Бог “заказчик”, на которого мы все работаем. Потеря связи с этим Центром – потеря своего места в мире, потеря цели жизни (“заказа”). А отдача себя внешнему миру, связывание своей судьбы с объектами этого мира – и есть потеря Центра, и одновременно потеря себя самого. “Внешняя жизнь вне Бога, внутренняя в Боге”, пишет Гоголь; поэтому познание Бога (как традиционно в христианской мистике) – самопознание: “надо, углубляясь в себя, спросить и узнать, какие в нас сокрыты стороны полезные и нужные миру, ибо нет ненужного звена в мире”»¹¹.

То, что тему «своего места» Чижевский связывал с творчеством украинского философа и мистика Григория Сковороды, неоднократно отмечалось исследователями (которые следовали здесь прямым указаниям самого Чижевского на знаменитую сквородиновскую Песнь 10-ю из «Сада божественных песней»)¹². Скажу далее, что в решительном утверждении Чижевского «Мир и ч о р т ловят человека не только великим и возвышенным, но и мелочами...» следует видеть и аллюзию на автоэпитафию Сковороды¹³. Но какую же именно идею Сковороды имеет в виду Чижевский (помимо темы человеческих «задоров»-страстей, восходящей еще к Горацию)? Речь, конечно же, должна идти об одной из центральных идей учения Григория Сковороды, об идее *сродного труда*, или *сродности*. Тесно связанная с *софиологией* украинского философа, идея эта предполагает наличие для каждого индивида Божественной предрасположенности к определенному виду труда, т. е. *своего места*; совокупность *сродностей* как умопостигаемых предвечных личностей, «внутреннее человечество», и есть София (тот самый, говоря словами Чижевского, *göttlich Stellenplan*). Отсюда призыв Сковороды не поддаваться «клеяким тенетам мира» и требование возрастания внутрь, реализации индивидом божественного о себе замысла, отрасли Божественного Логоса, «внутреннего человека». Это возможно посредством познания (*nosce te ipsum!*) своей *сродности* и осуществляется в форме персоналистически-конкретной общественно-значимой деятельности, поднятой до уровня мастерства. «...Я учил всегда осматриваться на свою природу, кратко сказать, познать себе самагò, к чему он рожден, ибо никого Бог не обидил»¹⁴.

Хорошо известно, что в поздней переписке Гоголя, в «Выбранных местах», «Авторской исповеди» и др. постоянно возникает тема *места*, *должности*, *поприща*. Как и у Сковороды, идея эта противопоставлена абстрактному спиритуализму – речь идет о своеобразной мистической «укорененности», служении на земле как осуществлению божественного в себе начала. Не надо витать в облаках, «на воздухе», – настаивает Гоголь. «...Нужно стоять хоть на каком-нибудь земном грунте. <...> Если взглянешь на место и должность как на средство к достижению не цели земной, но цели небесной, во спасение своей души – увидишь, что закон, данный Христом, дан как бы для тебя самого, как бы устремлен лично к

тебе самому, затем, чтобы ясно показать тебе, как быть на своем месте во взятой тобою должности. <...> Трудней всего на свете тому, кто не прикрепил себя к месту, не определил себя, в чем его должность: ему трудней всего применить к себе закон Христов, который на то, чтобы исполняться на земле, а не на воздухе... <...> Не забывать только нужно того, что взято место в земном государстве затем, чтобы служить на нем Государю Небесному, и потому иметь в виду Его закон. Только так служа, можно угодить всем: государю, и народу, и земле своей. <...> Теперь все должности мне кажутся равны, все места равно значительны, от малого до великого, если только на них взглянешь значительно. <...> ...Я убежден, что место и должность нужны для самого себя <...> Как ни бурно нынешнее время, как ни мнутся и не волнуются вокруг умы, как ни возмущает тебя собственный ум твой, но можно остаться среди всего этого в тишине, если с тем именно возьмешь свое место, чтобы на нем исполнить долг таким образом, чтобы не стыдно было дать и за который дашь ответ Небу» («Авторская исповедь»)¹⁵.

Чижевский совершенно справедливо отмечает, что для Гоголя очень характерно сближение и слияние проблем религиозных и хозяйственно-экономических, и именно это так раздражало современников¹⁶. Это как раз центральная идея Сковороды: познай себя, познай свою натуру, свою сродность, займи свойственную тебе должность, – и сам ты обретешь счастье и душевный покой, и общество будет благополучно¹⁷.

«Не смущайтесь никакими событиями, какие ни случаются вокруг вас, – читаем в «Духовном завещании» Гоголя. – Делайте каждый свое дело, молясь в тишине. Общество только тогда поправится, когда всякий частный человек займется собою и будет жить как христианин, служа Богу теми орудиями, какие ему даны, и стараясь иметь доброе влияние на небольшой круг людей, его окружающих. Все придет тогда в порядок, сами собой установятся тогда правильные отношения между людьми, определятся пределы законные всему. И человечество двинется вперед»¹⁸.

Представив в своем цикле «Праведники» целый ряд образов нашедших *свое место* людей из разных сословий («Однодум», «Пигмей», «Кадетский монастырь», «Несмертельный Голован», «Очарованный странник» и др.), Н.С.Лесков так подытожил основную мысль этих рассказов: «Такие люди, стоя в стороне от

главного исторического движения, как правильно думал незабвенный Сергей Михайлович Соловьёв, *сильнее других делают историю*¹⁹.

Это как раз то, что было близко и философу-страннику Григорию Сковороде с его идеей «сродности», и «царства монпарнасского царевичу» Борису Поплавскому с его «неизвестным солдатом русской мистики», и удивительной Симоне Вейль, и Николаю Гоголю с его *Philosophie eines göttlichen Stellenplanes*.

Примечания

- ¹ Паперный В. Повесть «Рим», город Рим и мессианизм позднего Гоголя // Гоголь и Италия. М., 2004. С. 127.
- ² Давыдов А.П. Душа Гоголя. Опыт социокультурного анализа. М., 2008. С. 114, 134.
- ³ Менегальдо Е. Поэтическая вселенная Бориса Поплавского. СПб., 2007. С. 257, см. также С. 255–256.
- ⁴ Шмагина-Великанова А.И. Воздвижение креста: Несколько слов о Симоне Вейль // Вейль С. Тяжесть и благодать. М., 2008. С. 14, 15. Любопытно было бы, кстати, узнать, какая именно *научная* концепция включает представление о «священном характере человеческой истории».
- ⁵ Многие темы, кстати, были найдены и продуманы Чижевским в период его пребывания в Чехии, см.: Магид С. Д.И.Чижевский в «украинской Праге» в 1924–1932 гг. // Rossica. Научные исследования по русистике, украинистике и белорусистике. Прага, 2007. С. 1–48.
- ⁶ О неосуществленных научных проектах Чижевского см. очерк: Янцен В.В. Неизвестный Чижевский: обзор неопубликованных трудов. СПб., 2008. С вышеупомянутыми связана и чрезвычайно важная для Чижевского тема «просвещенства», но здесь нет возможности касаться этого вопроса.
- ⁷ Герхардт Д. Воспоминания о Д.И.Чижевском // Д.И.Чижевский. Материалы к биографии. М., 2007. С. 295–296.
- ⁸ Чижевский Д.И. К проблеме двойника. (Из книги о формализме в этике) // О Достоевском. I. Сборник статей под ред. А.Л.Бема. Прага, 1929. С. 16, 22, 25–26, 29, 36, 38. См. переиздание этих материалов: Вокруг Достоевского: В 2 т. Т. 1: О Достоевском: Сборник статей под редакцией А.Л.Бема / Сост., вступ. ст. и коммент. М.Магидовой. М., 2007.
- ⁹ Попытку реконструкции архитектоники книги Чижевского «О формализме в этике», в которой темам «онтологической слабости и неустойчивости этического субъекта», двойничества и «своего места» принадлежит важная роль, см. в вышеуказанном очерке В.В.Янцена. С. 75–77.
- ¹⁰ «Centrum securitatis» – Чижевский использует здесь название сочинения Яна Амоса Коменского (1625 г.).

- ¹¹ *Чижевский Д.* О «Шинели» Гоголя // *Современные записки.* LXVII. Париж, 1938. С. 192.
- ¹² См.: *Надъярных Н.С.* Дмитрий Чижевский. Единство смысла. М., 2005. С. 225, 226; *Васильева М.А.* А.Л.Бем, П.М.Бицилли, Д.И.Чижевский: Метод «мелких наблюдений» // А.Л.Бем и гуманитарные проекты русского зарубежья: междунар. конф., посвящ. 120-летию со дня рождения. 16–18 нояб. 2006 г. / Сост., науч. ред. М.А.Васильевой. М., 2008. С. 125, 134.
- ¹³ *Чижевский Д.* О «Шинели» Гоголя. С. 193. На могиле Сквороды написано: «Мир ловил меня, но не поймал».
- ¹⁴ *Скворода Григорій.* Повна академічна збірка творів / За ред. проф. Леоніда Ушкалова. Харків: Майдан, 2010. С. 1267. О Сквороде вообще и о его софиологии в частности см.: *Марченко О.В.* Григорий Скворода и русская философская мысль XIX–XX веков: Исслед. и материалы. Ч. I. М., 2007.
- ¹⁵ *Гоголь Н.В.* Выбранные места из переписки с друзьями [Сборник] / Сост., вступ. ст. и коммент. В.А.Воропаева. М., 1990. С. 308, 309, 306, 307.
- ¹⁶ *Чижевский Д.И.* Неизвестный Гоголь // *Русские философы (конец XIX – середина XX века): Антология.* Вып. 3. / Сост. Л.Г.Филонова. М., 1996. С. 313.
- ¹⁷ «Другими словами именно об этом говорил Скворода: человек должен выбирать себе работу, к которой он имеет симпатию, склонность, любовь. Только тот труд является продуктивным, что гармонирует с натурой человека» (*Чижевський Д.* Нариси з історії філософії на Україні. Прага, 1931 (фототип. переизд. – Нью Йорк. 1991. С. 94). См. также: *Tschyżewskij D.* Skovoroda – Gogol’ (Y.G.Shevelev zum Geburtstag) // *Die Welt der Slaven. Vierteljahrsschrift für Slavistik.* Wiesbaden, 1968. Jg. XIII. Hft. 1. S. 318–325. О связи идейного наследия Гоголя с учением Сквороды энергично писал С.А.Гончаров (см.: *Гончаров С.А.* Творчество Гоголя в религиозно-мистическом контексте. СПб, 1997. С. 120 сл., 134, 144–145 и др.).
- ¹⁸ *Гоголь Н.В.* Указ. изд. С. 380.
- ¹⁹ *Лесков Н.С.* Собр. соч.: В 12 т. Т. 2. М., 1989. С. 75. С.М.Соловьев (1820–1879) – великий русский историк. Центральная в мировоззрении Гоголя проблема «своего места», пишет Чижевский, была позднее опошлена «в социальном аспекте в псевдопроблему “лишних людей” (замечательный – идеологически и художественно – ответ Лескова на эту псевдопроблему в его “Праведниках”, стремящихся показать, что нет лишних людей, был никем не замечен)» (*Чижевський Д.* О «Шинели» Гоголя. С. 187). Будучи в свое время вольнослушателем киевского университета, Н.С.Лесков был знаком с творчеством Сквороды (см.: *Анкудинова О.В.* Лесков и Скворода (к вопросу об идейном смысле повести Лескова «Заячий ремиз») // *Вопросы русской литературы.* 1973. № 21. С. 71–77).

Библиография

Анкудинова О.В. Лесков и Сковорода (к вопросу об идейном смысле повести Лескова «Заячий ремиз») // *Вопр. рус. лит.* 1973. № 21. С. 71–77.

Васильева М.А. А.Л.Бем, П.М.Бицилли, Д.И.Чижевский: Метод «мелких наблюдений» // *А.Л.Бем и гуманитарные проекты русского зарубежья: междунаrodn. конф., посвящ. 120-летию со дня рождения. 16–18 ноября 2006 г.* / Сост., науч. ред. М.А.Васильевой. М.: Русский путь, 2008. С. 113–135.

Вокруг Достоевского: В 2 т. Т. 1: О Достоевском: Сборник статей под редакцией А.Л.Бема / Сост., вступ. ст. и коммент. М.Магидовой. М.: Русский путь, 2007.

Герхардт Д. Воспоминания о Д.И.Чижевском // *Д.И.Чижевский. Материалы к биографии.* М.: Библиотека-фонд «Русское зарубежье»; Русский путь, 2007. С. 291–298.

Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями [Сборник] / Сост., вступ. ст. и коммент. В.А.Воропаева. М.: Советская Россия, 1990.

Гончаров С.А. Творчество Гоголя в религиозно-мистическом контексте. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И.Герцена, 1997.